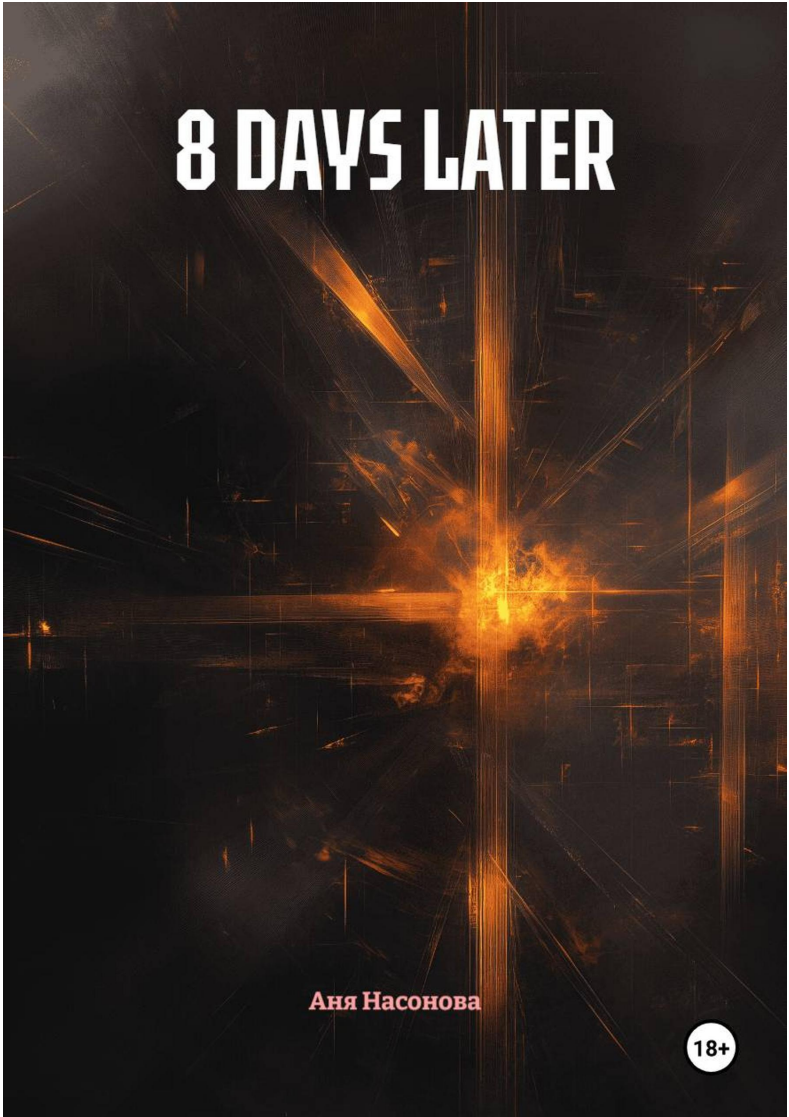

8 DAYS LATER
Аня Насонова
18+

Аня Насонова
8 DAYS LATER

https://litres.ru/74676853
SelfPub; 2026

Аннотация

В 2149 году время стало бытовым гаджетом. Прибор PAST позволяет каждому отматывать мысли назад, чтобы переигрывать неудачные разговоры, мелкие ошибки и случайные бытовые драмы. Мегаполис бездумно крутит реальность по пять раз в день, пока в глубине архивных логов ИИ не выползает системная ошибка.

Время расслаивается. До синаптического коллапса осталось ровно 8 дней.

Содержание

ПРОЛОГ 4
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Аня Насонова
8 DAYS LATER

ПРОЛОГ

Безжалостность вселенной

В салоне пахло остывающим синтетическим кофе и мокрой шерстью тяжёлого пальто Элен. Дворники старой водородной модели скребли по лобовому стеклу с монотонным, надрывным визгом, но плотная стена ноябрьского ливня смывала дорогу быстрее, чем они успевали очистить пластик. За окном в ущельях Мегаполиса ревели сирены, а ядовитый, пульсирующий неон рекламы синаптических блокаторов мазал по лицу Элен размытыми зелёными пятнами.

— Джулиус, ради всего святого, выключи это. У меня сейчас просто расколется голова.

Она не кричала, но в её голосе было столько изнуряющей, серой усталости, что Джулиус послушно коснулся пальцем сенсора. Голографическая лента новостей, шумящая бесконечной сводкой о забастовках на очистных коллекторах, мигнула и погасла. Наступила тишина. Настолько относительная, насколько это вообще возможно в 2119 году, когда

город круглосуточно вибрировал от миллионов чужих мыслей, транслируемых через нейросети.

Джулиус устало прикрыл глаза, сильнее сжимая потёртый руль. К своим тридцати годам он редко спал больше пяти часов в сутки, и сейчас его левое веко мучительно дёргалось от непрекращающейся мигрени после четырнадцатичасовой смены в лаборатории. В кармане куртки монотонно зудел коммуникатор, требовая вернуться к чертежам, но он просто хотел довезти жену до дома.

— Прости, Эл, — тихо отозвался он, поворачивая на Центральный проспект. — Я просто пытался отследить частоты серверов корпорации. Если до конца месяца мы не закроем проект, они урежут финансирование.

— Да к чёрту их финансирование, — Элен повернулась к нему, бережно опустив бледную, подрагивающую от сквозняка ладонь на округлившийся живот. Она была на седьмом месяце. После трёх лет бесплодных попыток и дорогостоящей гормональной терапии эта беременность казалась чем-то хрупким, почти нереальным. — Мы можем побыть в тишине хотя бы эти пятнадцать минут? Послушай... он снова толкается. Ему тоже не нравится этот шум.

Джулиус на секунду оторвал взгляд от тёмной, залитой во-

дой трассы. Он посмотрел на её пальцы на животе и попытался улыбнуться. Улыбка вышла слабой, вымученной, но в глазах промелькнула та самая чистая, спокойная нежность, ради которой он вообще возвращался в тесную квартиру Нижнего яруса.

— Хорошо, Эл. Больше никаких частот. Сейчас проедем перекрёсток, заедем в кондитерскую на углу, возьмём те пирожные с кокосовым муссом, которые тебе нравились, и...

Время не остановилось. Оно просто споткнулось, разламывая жизнь на «до» и «после» со скоростью щелчка тумблера.

Вспышка. Ослепительный, режущий глаза свет фар вырвался из-за глухой стены дождя справа. Прямо под запрещающий, багровый сигнал светофора, игнорируя все протоколы безопасности, на перекрёсток вылетел многотонный грузовой беспилотник снабжения. Его оптические сенсоры и лидары ослепли от ливня, а центральный ИИ выдал критический сбой позиционирования. Робот просто ехал по прямой, выполняя сухой логистический алгоритм.

Автоматика их машины зашлась в жалобном, предсмертном писке. Бортовой компьютер выдал системную ошибку тормозов, и Джулиус в парализующем, ледяном ужасе понял,

что руль в его руках превратился в бесполезный кусок пластика. Машина больше не слушалась. Наперерез им неслась глухая, неостановимая стена железа.

Элен успела только коротко вскрикнуть, инстинктивно закрывая собой живот.

Удар пришёлся точно в её сторону. Скрежет разрываемого, сминающегося в гармошку металла заглушил шум ливня. Лобовое стекло с сухим треском разлетелось на миллионы мелких осколков, которые в свете чужих фар на мгновение показались летящими звёздами. Салон мгновенно заполнился едким белым дымом воздушных подушек и резким, удушливым запахом гари.

А потом всё замерло. Наступила звенящая, мёртвая тишина, в которой был слышен только монотонный, тяжёлый стук капель по искореженной крыше.

Джулиус повернул голову. Элен лежала на боку, её голова была неестественно запрокинута, а из-под зажатого сиденьем пальто медленно, толчками вытекала тёмная, почти чёрная в свете неона кровь.

***

В ту ночь на холодном линолеуме больничного коридора Джулиус Вектор впервые до крови стёр ногти о бетонную стену. В приёмном покое блока №4 пахло хлоркой, спиртом и дешёвым фторатом. Где-то под потолком монотонно, с бездушной точностью тикали круглые настенные часы, отсчитывая секунды чужого, безразличного времени.

Мимо Джулиуса призрачными тенями проносились санитары и медсестры, кто-то пытался задавать ему вопросы, совать на подпись электронные бланки согласия на утилизацию биоматериала, но он не реагировал. Он сидел прямо на полу, обхватив голову руками, и отрешённо смотрел на собственные колени. Они были испачканы чужой, уже подсыхающей, темнеющей кровью Элен. В эту ночь он поклялся её вернуть. Чего бы это ни стоило.

За порогом приёмного покоя мир даже не замедлил ход. Проржавевший Мегаполис выплёвывал тонны смога, поршни механизмов Нижнего яруса продолжали ухать где-то внизу, ритмично сотрясая фундамент здания. Люди рождались, получали талоны на синтетический протеин, сканировали сетчатки на проходных и умирали в сырых углах. Время утягивало ту ноябрьскую ночь на дно прошлого, покрывая её слоями безразличной реальности, и Джулиус чувствовал этот процесс физически. Как тяжёлый пресс, который каждую секунду вдавливал его глубже в геометрию четырёхмерного пространства Минковского.

Специальная теория относительности Эйнштейна стояла над ним конвойным надзирателем. Световой конус причинности был заколочен намертво. Физика макромира не знала жалости: термодинамическая стрела летела только в одну сторону, и второй закон термодинамики неумолимо наращивал хаос, сжигая за собой мосты. Чтобы вернуть хотя бы одну элементарную частицу материи — один атом углерода из её пальто — назад по оси координат, требовалась бесконечная энергия. Реальность просто аннигилировала в квантовую пыль любой физический объект, посмевший двигаться против течения хронологии. Время стирало Элен, а город за стенами подвала рос, меняя неоновые лампы на дешёвые лазерные проекторы, наглухо забивая эфир терабайтами коммерческого шума. Джулиус вычислял. У него из-за плотности частот шла носом кровь прямо на схемы, но он искал брешь.

Если специальная теория относительности запрещает перемещать массу, нужно перенести чистую информацию. Мозг — не вместилище души, а квантовый биокомпьютер, где каждая мысль является волновым пакетом, суперпозицией состояний электронов в синаптических щелях. Джулиус отказался от идеи вернуть тело. Он решил закодировать волновые функции нейронов теменной доли и спроецировать их назад ровно на восемь дней. Человек просто просыпался в

своей постели неделю назад, но за счёт квантового туннелирования изменённая волновая функция электрона корректировала траекторию биоэлектрического импульса. Вспыхивало «синаптическое эхо» — интуитивный толчок, внезапное изменение направления мыслей. Человек поступал иначе. Мировая линия пластично, без макроскопического эффекта бабочки, переписывала локальный сюжет. Закон сохранения энергии молчал — масса вселенной не менялась ни на грамм.

Но пока он штурмовал уравнения, время гноило его самого. Кустарные нейроинтерфейсы и стимуляторы выжигали живые клетки. Ретроградная амнезия действовала как капля кислоты на магнитную ленту, выедая память избирательно и страшно. Она уничтожала именно то, ради чего велась война. Лицо Элен.

Сначала стёрся точный цвет её глаз. Он часами сидел во мраке подвала, пока зелёный неон рекламы синаптических блокаторов резал щели жалюзи, и пытался вспомнить: были они серыми или карими? В ответ синапсы выдавали лишь мёртвый цифровой шум. Затем исчез разлёт бровей, линия губ, очертания подбородка. Собственный разум оставлял его нищим, подсовывая лишь изолированные маркеры: запах остывающего кофе, тяжёлую мокрую шерсть её пальто и тёмные, почти чёрные пятна крови на брюках. Её лицо превра-

тилось в слепое белое пятно, размытый блик. Джулиус сходил с ума от леденящего ужаса: он гробил десятилетия ради спасения женщины, черты которой физически больше не мог воспроизвести в голове. Время побеждало. Квантовая информация при симуляциях рассыпалась в тепловой шум — происходила декогеренция из-за взаимодействия с грязной средой Нижнего яруса, подопытные животные гибли от обширных инсультов, а его мозг превращался в решето. Джулиус сидел на грязном матрасе среди обугленных кабелей, сжимая в дрожащей руке шприц с критической дозой блокаторов. Он был готов нажать на поршень и сдаться.

Его остановил крик за тонкой бетонной перегородкой.

Там, в такой же конуре, жила девчонка с обувной фабрики. В тот день её муж погиб из-за нелепой, копеечной микроошибки в алгоритме муниципальной энергосети: в жилом секторе всего на три секунды отключилась подача кислорода. Мужчина просто задохнулся в закрытом лифте, не доехав до своего этажа два пролёта. Вечером правительственный бот-курьер прислал девчонке сухой электронный ваучер — компенсацию за «технический издержек системы». И всё. Миру было абсолютно плевать. Мегаполис ехал дальше по рельсам логистических алгоритмов, жизнь продолжалась для миллионов людей, и только эта сломанная девчонка выла за стеной так, что бетонные плиты, казалось, исходили

ледяным потом от её боли.

Этот вой — дикий, животный, полный абсолютного бессилия перед бездушной машиной бытия — насквозь прошил искалеченные синапсы Джулиуса. Он замер со шприцем в руке. В его воспалённом, умирающем мозгу вспыхнула чистая, первобытная ярость. Этот мир, ломающий человеческие жизни из-за системных багов и сбоев позиционирования — точно так же, как тот многотонный беспилотник в роковую ноябрьскую ночь, — не имел права диктовать условия. Время и пространство не имели права забирать у людей всё и откупаться цифровыми ваучерами. Джулиус понял, что обязан дописать код не только ради Элен. Он должен дать каждому сломанному человеку инструмент, чтобы плевать в лицо этим алгоритмам, ломать жёсткие рамки теории относительности и переписывать свои трагедии. Крик чужой девчонки стал тем самым грязным, яростным топливом, которое заставило его подняться с матраса и снова запустить реактор квантовых вычислений.

Прошли ещё годы. Мир за окном окончательно оделся в холодный хром и серый пластик, а Джулиус превратился в бледную, высохшую до костей тень.

Его левое веко непрерывно, безумно дёргалось, а ногти на руках были стёрты до крови о металлический кор-

пус центрального терминала. Он превратился в глубокого старика внутри, но биологический барьер по-прежнему казался непреодолимым: при туннелировании волновой функции живая ткань мозга не выдерживала малейшего перепада потенциалов. Происходил тепловой взрыв на молекулярном уровне. Требовался стабилизатор. Биологический замок. Математический оператор, способный привязать квантовое смещение разума к фундаментальному макроскопическому ритму живого организма. К пульсу.

Ресурсы лаборатории были исчерпаны, долги перед чёрными поставщиками оборудования грозили смертью, а разум Джулиуса уже окончательно погружался во тьму амнезии. Он сидел на полу, тупо глядя на каскад критических ошибок на мониторе, понимая, что это конец. Прошлое ушло навсегда, время победило его.

В этот момент старый поисковый бот, запущенный в паутину закрытых научных сетей ещё в самом начале его заточения, выдал тихий, хриплый звуковой сигнал.

На экране терминала открылся зашифрованный, архивный файл из глубин Института высшей нервной деятельности. Это была малоизвестная, проигнорированная всеми академиками работа, которую официальная наука назвала детской фантазией и сдала в архив.

Заголовок светился блёклым фосфорным светом: «Фазовая синхронизация мембранных потенциалов в условиях квантовой суперпозиции белков памяти. Роль синусоиды сердечного сокращения».

Джулиус впился глазами в экран. Дрожь, мучившая его тело последние годы, внезапно исчезла. Глаза лихорадочно бежали по формулам. Это был не просто текст. Это был безупречный, гениальный в своей простоте математический ключ к его замку. Неизвестный автор нашёл способ использовать синусоиду удара сердца как несущую волну, которая защищала квантовую информацию от распада при переходе через чётвёртое измерение. Она предлагала синхронизировать волновой пакет с макро-сокращением миокарда, нивелируя декогеренцию.

В самом конце документа, среди сухих выкладок биофизических констант, стояла подпись автора, чью работу он безжалостно заберёт себе: Александра Реквием.

Джулиус хрипло, безумно рассмеялся, и этот жуткий, сухой смех мертвеца гулко отразился от голых бетонных стен его одинокой тюрьмы. У него наконец-то было всё, чтобы взломать время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.